

УДК 111

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Глазырина А.М., Михайлова Т.Л.

ГОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева»,
Нижний Новгород, e-mail: nntu@nntu.nnov.ru

В статье деконструируется женская субъективность через анализ практик фотографического дискурса. Рассматриваемые фотографии Джейд Билл, главной темой которых стала проблематика телесности и представлений о женской красоте, выступают в качестве означающей поверхности. Анализируя указанный фотопроект и распаковывая закодированные в нем смыслы, авторы применяют двойную перспективу анализа и обращают внимание одновременно на контент и контекст создания изображений, что дает основание сделать следующие выводы. Проект артикулировал актуальную в современном обществе проблему отношения к женской красоте и телу. В настоящее время телесность человека все больше становится вписанной в социальные структуры и ощущает на себе зависимость социальных факторов. В результате разрыва между собственным восприятием тела и внешним восприятием с позиций социума актуализируется проблема кризиса гендерной идентичности и соответственно поиска инструментов восстановления личностной идентичности, одним из которых являются фотографии. Они обладают терапевтическим эффектом, являясь невербальным катализатором, помогающим высвободить неосознанные чувства и воспоминания.

Ключевые слова: фотографический дискурс, гендерная идентичность, субъективность, кризис идентичности, женская красота, телесность, гендерные репрезентации, социальный контекст

PHOTOGRAPHICAL DISCOURSE OF RESEARCH OF FEMALE SUBJECTIVITY

Glazyrina A.M., Mikhaylova T.L.

NizhegorodskyStateTechnicalUniversity n.a. R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, e-mail: nntu@nntu.nnov.ru

The article disassembles a female subjectivity by the analysis of practices of photographic discourse. Jayde Bill's photos considered in the article, themed by corporeity problematic and the ideas of female beauty, are taken as a start point. Author implements the double-analysis perspective – the attention is bound to the content and context at the same time. The project articulates the female beauty and body relation problem which is relevant in modern society. Currently, corporeity becomes inscribed in social constructs and depends on social factors. Due to the dissonance between self-perception and social perception of the body the problem of gender identity gets more and more important which also drives the investigation of different tools to restore the personality. The photo is one of such tools. Photos have therapeutic effect, kind of non-verbal catalyst, which help to unleash unconscious feelings and remembrances.

Keywords: photographic discourse, gender identity, subjectivity, identity crisis, female beauty, physicality, gender representation, the social context

В статье авторы фокусируются на анализе репрезентаций женской субъективности, выявив призму, которая коррелирует с постмодернистской эпистемологией. Именно она обнаруживает новую философскую конструкцию гендерно-маркированной субъективности в отличие от бесполой классической, что позволяет иначе проблематизировать женскую субъективность. Эмпирическим материалом, составляющим предмет исследования, стали провокационные фотографии Джейд Билл [14], опубликованные в сети интернет в начале прошлого года и вызвавшие многочисленные дискуссии среди представителей обоих полов. На них запечатлены простые женщины, ставшие мамами. На их теле не заретушированы растяжки, шрамы, округлости, оставшиеся после беременности и родов. Женщины сфотографированы такими, какие они есть в реальной жизни. Этот фотопроект был призван изменить представления о женской красоте в нашей

культуре и повлиять на отношение к материнскому телу.

Представленный в статье анализ репрезентаций женской субъективности в рамках фотографического дискурса продолжает предыдущие исследования, в которых реконструировалась женская ментальность через анализ практик речевого дискурса [10]. Методологическим инструментарием в том случае были ego-документы. Осмысление гендерных репрезентаций и их проекций в языке, визуальных документах, медиа-дискурсе и других культурных практиках позволяет наиболее полно представить картину происходящих гендерных изменений в целом и в частности женской ментальности. Это должно быть комплексное исследование, которое будет носить междисциплинарный характер.

Акцентирование внимания в этой статье, прежде всего, на эстетике визуальных образов связано с изменением системы коммуникаций в 20 веке. С развитием

и массовой доступностью технологий визуальные документы становятся главными источниками информации. Слово, традиционно доминировавшее в дискурсе социальных наук, дополняется образами, которые рассматриваются как «культурные тексты» и инструменты производства, представления и потребления знаний. Фото, видео и электронные медиа дают возможность по-новому интерпретировать микроконтексты повседневной жизни, предоставляют иные способы конструирования и решения социальных проблем. Так, рассматриваемый фотопроект Джейд Билл артикулировал важные смыслы, связанные с новым пониманием женской красоты, привлек внимание общественности к теме материнства, которой в настоящее время уделяется мало внимания в массовом дискурсе. В то же время распространение канонов феминности, связанных с профессиональной самореализацией женщины и не менее популярных образов топ-моделей и их стиля жизни приводит к тому, что сегодня современная женщина все чаще отказывается от материнства или откладывает его на неопределенный срок.

Методологическим основанием исследования является ряд тезисов, которые задали основное направление для анализа репрезентаций женской субъективности в рамках фотографического дискурса, который можно определить как «сферу информационного обмена, т.е. как систему отношений между сторонами, вовлеченными в коммуникативную деятельность» [13, 123]. Во-первых, это тезис о том, что образы являются конструкцией. Изображение предстает перед нами как означающая поверхность, при этом «значение образов будет формироваться на стыке двух инициатив: той, которая манифестируется со стороны образа, и той, которая идет со стороны смотрящего» [13, 111]. Во-вторых, изображения содержат символическую и документальную информацию о действиях. Наконец, изображения – это часть коммуникативных стратегий, в них закодированы определенные смыслы и отражена какая-либо история. «Изучая визуальные репрезентации, созданные другими, мы довольно легко можем отследить двойную нить контента и контекста и исследовать их в тандеме» [1; 14].

Таким образом, обращаясь к фотопроекту Джейд Билл, авторы применяют двойную перспективу анализа и предлагают, с одной стороны обратить внимание на контекст создания изображений: кто их создал и для кого, с какой целью они были сделаны, в каких социальных условиях выполнялся

этот фотопроект. А с другой стороны, проанализировать контент: определить смысл изображений, их содержание, какое коммуникативное послание в них закодировано и какие функции оно выполняет.

Интерпретируя контекст изображений, обратимся сначала к личности фотографа, поскольку «фотографическое сообщение несет след того, кто находится не только перед камерой, но и того, кто держит ее в руках» [11, 118]. Фотопроект Джейд Билл отличается глубокая личная вовлеченность, ее собственная биография и личный опыт материнства стали основой сделанных снимков. Держа на руках своего месячного ребенка, она сделала серию автопортретов, которые потом поместила в своем личном блоге, несмотря на то, что после беременности на ее теле остались растяжки и складки, которых не было раньше. Посредством сделанных автопортретов она стремилась раскрыть ту сторону материнства, которая замалчивается в массовом дискурсе и тем самым вдохновить других на иное понимание женской красоты. «Линии на вашем теле, шрамы, растяжки, округлости – они все прекрасны. Избавьтесь от фильтра, сквозь который вас заставляют смотреть. Взгляните на себя не глазами, а сердцем. Вы полюбите, то, что увидите» – уверена Джейд Билл [14]. После публикации автопортретов, а затем фотографий своей подруги в социальной сети, к Джейд Билл стали обращаться многие другие женщины с просьбой провести подобную фотосессию и для них. В результате был создан целый альбом «Красивое тело».

Социальный успех этого проекта можно объяснить тем, что он артикулировал актуальные вопросы современности – представления о женской красоте. При этом был смещен традиционный акцент: вместо популяризации эстетики стройного подтянутого тела фотографии представляли тело женщин, ставших матерями со всеми их округлостями и складками, которые остались после беременности. Такое понимание женской красоты было противопоставлено нормам и идеальным образам, которые тиражируются женской прессой, рекламой, кинематографом в настоящее время.

Постмодернистская социальная реальность характеризуется индустриализацией красоты и подчинением ее законам рынка, повсеместным распространением норм и эстетических образцов женственности, большим количеством средств и способов ухода за телом. Все это стало основой для формирования новой женщины и представлений о ее красоте. Кроме этого, в последние десятилетия подобная демократизация сопровождается еще и сменой приорите-

тов. «Главное внимание в уходе за собой женщина сосредотачивает не на лице как прежде, а на теле. Она стремится не просто приукрасить кожу, а придать ей свежесть, упругость и молодость. Стройное тело становится общепринятой нормой» [2, 54]. Отсюда возникают многочисленные диеты, руководства по похудению, специальные косметические средства, эстетическая хирургия. Также появляется новая манера говорить о женской внешности: если ранее рецепты поддержания молодости и красоты передавались от матери к дочери или от подруги к подруге, то теперь красоту связывают с потреблением. «В век демократии культура прекрасного пола оказалась от своих извечных тайн в пользу разящей силы рекламы и стимулирования потребительской активности. С развитием коммуникаций произошел резкий переход от патриархально-аристократической культуры к рекламно-демократическому порядку, сформированному масс-медиа. Забота о внешности теперь является моральным долгом женщины» [8, 231].

Как можно интерпретировать подобные эстетические нормы, граничащие с «тиранией красоты», и под влиянием каких факторов происходит такая демократизация? Отвечая на эти вопросы, необходимо, прежде всего, учитывать экономический аспект. На рынке товаров и услуг увеличивается масштаб предложений косметических продуктов, меняется ориентация промышленной и торговой политики. Но данные изменения в экономике не являются единственным детерминантом. Причину приверженности женщин к эстетике стройного тела необходимо искать на более глубоком уровне, а именно в изменении их социальной идентичности. Традиционно полноту женщины связывали с ее плодovitостью, то есть с высшим ее предназначением – матери и хранительницы семейного очага. Но вовлечение женщины в общественную жизнь, легитимизация женского труда и профессиональной самореализации, контроль за рождаемостью способствовали тому, что женщина перестала ориентироваться только на функции материнства. «Воцарение стройности выражает отказ от идентификации женского тела с материнством, а также ослабление общественного уважения к роли женщины-матери и соответственно более высокую социальную оценку активной и самостоятельной женщины» [8, 200]. Женщина выбирает активную созидательную роль по отношению к собственному телу. Красота воспринимается как личное достижение. Стройность и подтянутость она оценивает

как умение владеть собой, тем самым заявляя о таких традиционно мужских качествах, как сила воли, умение добиваться поставленных целей, самообладание. Так, в официальном дискурсе распространяются, с одной стороны, образы «омоложенной, ювильной, безответственной женщины-подростка», увлеченной собственной внешностью, а с другой, репрезентируется образ деловой женщины. Она самодостаточна, субъективна, и для нее характерно сознание ответственности. Собственную молодость и внешность она воспринимает как ресурс свободы, а не как повод быть зависимой от другого.

Именно в таких социальных условиях был реализован рассматриваемый фотопроект, участие в котором помогло многим женщинам принять свою красоту и сформировать личностную идентичность. Такой результат был определен рядом факторов. Во-первых, в процессах идентификации важное место принадлежит визуальной составляющей, поэтому фотографии стали инструментом идентификации. «Понимание и определение себя происходит через символическое присвоение другого в обратимом оптическом акте. Для того чтобы утвердить себя, нам необходим взгляд другого человека как источник иного чувственного опыта [3, 97]. Во-вторых, была определена одна из причин кризиса гендерной идентичности участниц фотопроекта – разрыв между собственным восприятием тела и внешним восприятием с позиций социума. Используя терминологию М. Фуко, можно отметить, что женское тело «дисциплинируется» другими (в смысле прямого или косвенного насилия, угнетения, навязывания моды и т.п.) [12]. Посредством визуального подавления реализуется принцип властных отношений: женское тело превращается в объект чужого взгляда, значит, объективируется, становится вещью. Согласно феминистской теории Л. Малви, «владельцем конституирующего взгляда, как правило, является мужчина, а объектом власти и «удовольствия» – женщина. Внешность женщин кодируется для достижения интенсивного визуального и эротического воздействия» [9, 288]. Однако сфера сексуального является не единственным направлением дисциплинирования женского тела. С другой стороны, женщина вынуждена создавать свой социальный облик – выражение лица и соответствующий телесный вид. Таким образом, происходит своего рода колонизация женщины, она вынуждена оценивать себя посредством сравнения с физическим обликом людей своего пола и возраста. В результате социальная

идентичность начинает преобладать над личностной идентичностью, и женщина утрачивает связь с собственным телом, что актуализирует в сложившейся социальной действительности такие явления, как «телесный негативизм» и восхваление тела, и в целом приводит к кризису гендерной идентичности.

Согласно представлениям Симоны де Бовуар, «тело – это инструмент, с помощью которого мы подступаем к миру». Возрастание интереса к проблематике тела, усиление феминистических ориентаций объясняется тем, что тело для женщины – не то же самое, что тело в жизни мужчины. «Тело женщины по сути своей экзистенциально: все происходящее с женщиной – это одновременно происходящее с ее телом» [6, 187]. В соответствии с теорией половых различий, сторонниками которой являются Люси Иригарэ, Элен Сиксу, Джудит Баттлер, «тело – основополагающий фактор для понимания психического и социального бытия женщин. Тело – это не проявление животных свойств, не пассивная материя, наоборот оно является составной частью и влетено в систему значений смыслов и репрезентаций» [7, 608]. Таким образом, опираясь на приведенные теоретические концепции, можно утверждать, что тело становится важным фактором, который позволяет другим людям идентифицировать конкретного человека. Вот почему кроме решения социально-значимой задачи изменения отношения к материнскому телу в социальном дискурсе и популяризации материнства, фотопроект был направлен на восстановление утраченной связи женщин с собственным телом. Серия сделанных откровенных фотографий послужила невербальным катализатором, высвобождающим неосознанные чувства и воспоминания участниц проекта. Можно утверждать, что фотопортреты женщин, сделанные Джейд Билл, были своего рода «терапевтическими фотографиями», то есть выступили инструментом личных и социальных изменений в рамках личных фотопрактик. Фотографии позволили им увидеть себя со стороны, не в зеркальном отражении, дали возможность задуматься над тем, какую информацию они бессознательно транслируют другим о себе. «Фотографии выступили в качестве границы между когнитивной и сенсорной сферами, между внутренним «я», недоступным нашему сознанию, и «я», о котором мы знаем; между «я», которое мы знаем изнутри, и «я», которое видят окружающие» [5, 24]. Намеренно сделанный фотографом акцент на телесном облике женщин, ставших матерями, позволил им воссоздать подробности

личной жизни, понять важность произошедших изменений, связанных с появлением в их жизни детей и изменений, коснувшихся в том числе их тела. Во многом это дало возможность абстрагироваться от навязываемых социумом гендерных стереотипов и обрести личностную идентичность.

В целом, обобщая результаты сделанного теоретико-эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы.

- В постмодернистской философской парадигме современное общество определяется как постиндустриальное и информационное, то есть оперирующее большим количеством знаков. В таких условиях фото, видео, печатные и электронные документы можно рассматривать как значащую поверхность. Образы и конструкции, которыми они оперируют, являются культурными текстами, предоставляющими возможность по-новому интерпретировать микроконтексты повседневной жизни, в том числе реконструировать женскую субъективность через анализ гендерных репрезентаций и их проекций в рамках фотографического дискурса.

- Социально-конструктивистский дискурс позволяет подойти к проблеме женской субъективности не как к неизменной природной данности, а как к продукту конкретно-исторической ситуации [4, 64], поэтому предмет исследования – провокационные фотографии Джейд Билл авторы начинают анализировать с интерпретации контекста изображений. Проект артикулировал актуальную в современном обществе проблему отношения к женской красоте и телу. Индустриализация красоты и подчинение ее законам рынка, повсеместное распространение норм и эстетических образцов женственности, большое количество средств и способов ухода за телом – все это послужило основой для формирования новой женщины и представлений о ее красоте. При этом, следуя навязанным стандартам, женщина отчасти теряет свою индивидуальность и самобытность. Она становится похожей на многочисленные модели с обложек и тем самым превращается в объект потребления окружающих мужчин. Нечувствительность к своему телесному Я приводит к отчужденности от себя и, соответственно, провоцирует сложности в адаптации к окружающему миру.

- В описанных условиях женщины, телесный облик которых изменился после беременности и родов, испытывают на себе сильное давление сложившихся в обществе гендерных стереотипов. В результате разрыва между собственным восприятием тела и внешним восприятием с позиций социума происходит

кризис их гендерной идентичности. Восстановление утраченной связи с собственным телом становится главной задачей для женщины, позволяющей вновь обрести себя, поскольку согласно теории половых различий «тело женщины по сути своей экзистенциально: все происходящее с женщиной – это одновременно происходящее с ее телом».

● Фотографии в этом случае могут являться инструментом формирования идентичности человека. «Каждый снимок – это персональное самоисследование определенных граней собственной личности, мощный инструмент фокусирования на себе и собственной жизни. Фотографии объединяют физический и психический миры, реальность, о которой мы знаем, с реальностью, становящейся очевидной лишь позднее, когда ее взаимосвязи или закономерности проявятся в ретроспективе» [5, 27].

Таким образом, в обществе, которое все чаще определяют как «визуальную культуру», образы играют важную роль для различных сфер социальной жизни. Так, в данной статье авторы исследуют репрезентации женской субъективности в рамках фотографического дискурса, применяя тем самым междисциплинарный подход. «Рефлексивный подход к изучаемой (фотографируемой) реальности фактически привел к тому, что сегодня современная фотография и социальные науки имеют не только один и тот же объект – жизнь общества, но и схожие принципы работы – от анализа и создания идеи до ее воплощения. Искусство растворилось в жизни: художники исследуют повседневность, собственная биография становится основой презентаций» [13, 157].

Список литературы

1. Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. – М.: Изд-во «Пенадь», 2003.
2. Альчук А. Женщина и визуальные знаки. – М.: Идея-Пресс, 2000.
3. Барт Р. Метафора глаза // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
5. Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2007. – № 4.
6. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007.
7. Жеребкин С.В. Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
8. Липовецкий, Ж. Третья женщина. Незыблимость и потрясение основ женственности. – СПб.: Алетейя, 2003.
9. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории. – М.: ПроPILEI, 2000.

10. Михайлова Т.Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. – 2008. – № 4 (49). – С. 62–77.

11. Нуркова В.В. Зеркало с памятью: феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. – М.: РГГУ, 2006.

12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. – М.: Касталь, 1996.

13. Ярская-Смирнова Е., Романова П. Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романовой – М.: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2009.

14. AdMe – сайт о творчестве. Реклама, дизайн, фотография, искусство [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.adme.ru/fotograf/krasivoe-telo-556555> (дата обращения: 27.11.13).

References

1. Aleksandrov E.V. Opyit rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizualnoy antropologii. M.: Izd-vo «Penaty», 2003.
2. Alchuk A. Zhenschina i vizualnyie znaki / A. Alchuk. M.: Ideya-Press, 2000.
3. Bart R. Metafora glaza // Tanatografiya Erosa. Zhorzh Batay i frantsuzskaya myisl sere dinyi XX veka. SPb.: Mifiril, 1994.
4. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. M.: Medium, 1995.
5. Brekner R. Izobrazhennoe telo. Metodika analiza fotografii // Interaksiya. Intervyu. Interpretatsiya. 2007. no. 4.
6. Zherebkina I. Sub'ektivnost i gender: gendernaya teoriya sub'ekta v sovremennoy filosofskoy antropologii. SPb.: Aleteyya, 2007.
7. Zherebkin S.V. Vvedenie v gendernyye issledovaniya. Harkov: HTsGI; SPb.: Aleteyya, 2001.
8. Lipovetskiy Zh. Tretya zhenschina. Nezyblimost i potryaseniye osnov zhenstvonnosti. SPb.: Aleteyya, 2003.
9. Malvi L. Vizualnoe udovolstvie i narrativnyiy kinematograf. Antologiya gendernoy teorii. M.: Propilei, 2000.
10. Mihaylova T.L. Zhenskoe molchanie kak binarnaya opozitsiya muzhskomu vlastnomu diskursu // Zhenschina v rossiyskom obschestve. Rossiyskiy nauchnyiy zhurnal no. 4 (49). 2008. pp. 62–77.
11. Nurkova V.V. Zerkalo s pamyatyu: fenomen fotografii: Kulturno-istoricheskiy analiz. M.: RGGU, 2006.
12. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznyih let. Per. s frants. M.: Kastal, 1996.
13. Yarskaya-Smirnova E., Romanova P. Vizualnaya antropologiya: nastroyka optiki / pod redaktsiye E. Yarskiy-Smirnovoy, P. Romanovoy M.: ООО «Variant» TsSPGI, 2009.
14. AdMe sayt o tvorchestve. Reklama, dizayn, fotografiya, iskusstvo [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.adme.ru/fotograf/krasivoe-telo-556555> (data obrascheniya: 27.11.13).

Рецензенты:

Дорожкин А.М., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории, методологии и философии науки, Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород;

Щуров В.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии, Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 01.10.2014.